

С. А. Экипунт

«НАМ ОБЩАЯ СЛАВА РОССИИ СОЛДАТСКОЙ НАГРАДОЙ БЫЛА»

УДК 94
ББК 63.3(2)622
Э35

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Рецензенты:

Аполлон Борисович Давидсон, академик РАН;
Андрей Владиславович Ганин, доктор исторических наук

Научный редактор

кандидат исторических наук *Юрий Аркадьевич Борисёнок*

Экштут С. А.

Э35 «Нам общая слава России солдатской наградой была»: Наградная практика времен Великой Отечественной войны / С. А. Экштут. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 288 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1554-5

Одним из малоизученных аспектов истории Великой Отечественной войны является наградная практика, существовавшая в СССР, и ее особенности в разные периоды войны. Если официальную сторону этой проблемы исследователи знают достаточно подробно, то вопрос о том, как обстояло дело награждения орденами и медалями во фронтовой реальности, порой значительно отличавшейся от параграфов статутных документов, практически не изучен. Автор книги — известный специалист в области истории повседневности, сочетающий в своих работах исторические документы с произведениями эпохи, созданными в сфере литературы (стихи и проза) и изобразительного искусства. В новой книге широко использованы также данные фалеристики. Особое внимание обращено на разнообразные казусы отступлений от наградных правил. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Благодарим Е. Е. Колоскову и А. А. Литвина
за помощь в подготовке книги

ISBN 978-5-4469-1554-5

9 785446 915545

© Экштут С. А., 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

Содержание

<i>Очерк первый</i>	
«Мы все — войны шальные дети»	5
<i>Очерк второй</i>	
«Слогом простым и живым»	41
<i>Очерк третий</i>	
Километры и секунды Александра Матросова	70
<i>Очерк четвертый</i>	
Под псевдонимом Мрамор: тайные и явные заслуги генерала Максима Пуркаева	95
<i>Очерк пятый</i>	
Один из 600 212: танковый разведчик Владимир Подгорбунский	107
<i>Очерк шестой</i>	
Глаза и уши 2-го Белорусского	123
<i>Очерк седьмой</i>	
Генерал Ивашутин: «Разведку надо любить»	143
<i>Очерк восьмой</i>	
Синусоида маршала Голованова: взлет и падение сталинского любимца	155
<i>Очерк девятый</i>	
Ордена и медали Великой Отечественной войны	179
<i>Приложение</i>	
Стихи фронтовых поэтов	260
Примечания	278

Очерк первый

«Мы все — войны шальные дети»

*Мы все — войны шальные дети:
и генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель —
пошли домой.*

Б. Ш. Окуджава.
«А мы с тобой, брат, из пехоты».
1975

Люди первого часа войны

Война — это сложнейшее уравнение с множеством неизвестных, где так много непредсказуемого, где взвод нередко сильнее батальона, а дивизия — слабее полка. Поэтому исход сражения далеко не всегда определяется соотношением сил и материальных ресурсов противоборствующих сторон. Но в этом уравнении есть своя константа. Отталкиваясь от нее, можно приступить к корректному решению сложнейшего уравнения, которое лишь на первый взгляд кажется принципиально не решаемым. Такой константой оказываются люди первого часа войны. В условиях большого числа неопределенностей этого первого часа именно они принимают непредсказуемо верные решения, которые не были предусмотрены планами, разработанными перед войной, и об эти верные решения разбиваются хитроумные и коварные замыслы врага. Война никогда не бывает для этих людей первого часа внезапной, потому что они всегда

подготовлены к отражению агрессии. Долг солдата для них превыше всего. И они — с достоинством и честью — исполняют свой солдатский долг, не считаясь ни с чем: ни с «миролюбивыми» заявлениями дипломатов и политиков, ни с весьма вероятным гневом вышестоящих начальников, ни с предстоящими личными неприятностями и крушением карьеры. Они служат делу, а не лицам и живут по правилу: делай, что должно, и пусть будет, что будет. Свое личное мужество и свою железную волю они демонстрируют не только неприятелю.

Люди первого часа войны не боятся врага — это понятно. Но они не испытывают ни малейшего страха и перед собственным начальством. Они никогда и ни при каких обстоятельствах не боятся взять на себя ответственность за принятое решение. А это, согласитесь, встречается крайне редко. Именно таким человеком был Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. 1941 год он, подвергшийся репрессиям и два года проведенный в заключении, встретил в звании генерал-майора и в должности командира 9-го механизированного корпуса, находившегося в стадии формирования. В непредсказуемой ситуации первого часа войны генерал Рокоссовский принял единственно верное решение: поступил так, как велел ему его солдатский долг.

«Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штабс-арма (штаба армии. — С. Э.). Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

...То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше»¹.

Чтобы одержать победу над людьми первого часа войны, их мало убить, как некогда говаривал прусский король Фридрих II, их надо еще и повалить. Когда армия обороняется, эти люди, неизменно хранящие порох сухим, ежесекундно готовы дать отпор неприятелю. Когда армия наступает, люди первого часа вводят неприятеля в ступор неординарностью своих действий на поле боя. Они воюют не числом, а умением. Блеск предприняемого ими маневра, решительность натиска и несомненное умение быстро сосредотачивать максимальные резервы в нужное время и в нужном месте — всё это характеризует людей первого часа войны. Как правило, они обладают ярко выраженным чувством собственного достоинства, всегда свойственного мастерам своего дела и профессионалам. Вот почему их так не любит начальство и старается избавиться от них сразу же после того, как в них исчезает нужда. Но неприятель их не любит еще больше.

Начало войны — это *звездный час* людей ее первого часа, но нужда в них сохраняется до конца войны. Пока говорят пушки — эти люди действуют на авансцене событий, оставаясь фигурами первого плана, на которых силою вещей концентрируется всеобщее внимание. В течение всей войны они успешно реализуют на практике суворовскую заповедь: глазомер, быстрота, натиск. К сожалению, люди первого часа войны не всегда получают достойную награду за свои незаурядные подвиги.

20 августа 1941 года на подступах к Ленинграду командир 3-й танковой роты 1-го танкового полка 1-й Краснознаменной танковой дивизии старший лейтенант Зиновий Григорьевич Колобанов, действуя из засады, на своем танке КВ уничтожил колонну из 22 немецких танков, а всего ротой Колобанова, имеющей пять тяжелых танков КВ-1, совместно с курсантами пограничного училища и ополченцами Ленинграда в этот день в том же районе было подбито 43 немецких танка. «Противник, видя большие потери своих танков, открыл ураганный артиллерийский и минометный огонь по месту стоянки танка тов. Колобанова. Но было уже поздно, танк уже занял новую позицию и вел огонь по уничтожению огневых точек противника. К этому времени в танке оставалось 12 снарядов, нужно было выходить на дозаправку»². Командир роты в сентябре 1941-го был представлен к званию Героя Советского Союза, но командование Ленинградским фронтом решило иначе и снизило награду на две ступени: лишь в начале 1942-го танкист-ас был награжден орденом Красного Знамени.

Окончание войны, ее победные залпы — это прощальный салют не только по всем погибшим. Это прощание с людьми первого часа войны. В мирной жизни они либо совсем покидают сцену, либо в одночасье меняют свое амплуа и — отнюдь не по собственной воле — становятся фигурами второго плана, вынужденными играть второстепенные роли. Армии мирного времени нужны совсем другие люди...

Хасан — Берлин. Со всеми остановками

24 апреля 1945 года человек первого часа войны генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин (1904–1945) был назначен первым советским комендантом и начальником гарнизона Берлина, а уже 16 июня, накануне Парада Победы, трагически погиб при исполнении служебных обязанностей в автомобильной катастрофе.

Я смотрю на его последние фотографии, сделанные в мае-июне 1945 года, и вижу грузного и седого генерала. Не верится, что ему всего-навсего 41 год. Генералы стареют рано. Год службы во время войны засчитывается за три, и прошедший всю войну комендант Берлина выглядит на все 60. Он погиб, не успев написать мемуары, и унес с собой в могилу множество тайн.

Редко кто из командармов Великой Отечественной войны мог похвастаться столь безукоризненной и «правильной» анкетой, как сын питерского рабочего и сам рабочий-переплетчик Николай Эрастович Берзарин, в октябре 1918 года (в возрасте 14 лет!) добровольно вступивший в Красную Армию. В Гражданскую воевал рядовым, следовательно, не мог быть близок к тем, кого в годы Большого террора назовут «врагами народа». Тухачевский, Якир, Уборевич и их менее известные подельники даже не подозревали о существовании красного командира Берзарина. Несмотря на это, ему удалось, как любят говорить военные, попасть «в струю». (В наши дни это назвали бы трендом — основной тенденцией изменения проводимой партией и военным ведомством кадровой политики.)

Еще в июне 1929 года в докладе Революционного Военного Совета СССР, представленном в Политбюро ЦК ВКП(б), с удовлетворением отмечалось: «Из года в год среди комсостава мы имеем неуклонное повышение прослойки рабочих, относительную стабильность крестьян и постепенное понижение в его составе группы “прочих”... Такие изменения происходят в результате выпуска из военных школ классово подобранного комсостава, среди которого процент рабочих обставляется 36–37% (средние данные по четырем последним выпускам)»³. Воистину прав был Владимир Маяковский:

У Степы
незнание
точек и запятых
заменяет

инстинктивный
массовый разум,
потому что
батрачка –
мамаша их,
а папаша –
рабочий и крестьянин сразу.

«Академиев» Берзарин, действительно, «не кончал». Академическая вольница, когда у однокашников невольно развязываются языки и ведутся ожесточенные препирательства, обсуждаются недавнее прошлое и злободневное настоящее, а спустя годы такие «дружеские споры», зафиксированные осведомителями, могут быть поставлены в вину, — всё это прошло мимо него, не оставив никаких порочащих следов в личном деле. Ни у «органов», ни у кадровиков к Берзарину не было, да и не могло быть никаких претензий. И он беспрепятственно поднимался по служебной лестнице. Более того, отсутствие академического образования стало для него большим плюсом. К «академикам» (так до войны называли всех выпускников военных академий), например, у маршала Жукова, отношение было резко негативное: «Что ни дурак, то выпускник академии»⁴. Столь же нелицеприятно командующий Дальневосточным фронтом генерал армии Апанасенко весной 1943 года отозвался о дважды «академике» и будущем генерале-диссиденте Петре Григоренко: «Окончил инженерную академию в 1934 г. и Академию Генерального штаба в 1939 г. Учился много, но ничему не научился. Командного опыта почти не имеет, вял, неповоротлив, в работе имеет много недостатков»⁵.

У Берзарина командный опыт был: в 20 лет получил взвод и отправился воевать с повстанцами в Амурской области, недолго командовал ротой, в 31 год стал командиром полка, в 34 — командиром дивизии, во главе которой спустя всего-навсего месяца после назначения отправился воевать у озера Хасан.

Да, в действиях молодого комдива во время военного конфликта у озера Хасан можно отыскать множество серьезных изъянов,

но не будем забывать обстоятельства времени и места. Предшествующий командир дивизии Михаил Осипович Зюк не ужился с маршалом Блюхером и по его требованию еще в сентябре 1935-го был удален из ОКДВА, в августе 1936-го — арестован, в июне 1937-го — расстрелян. В 1938 году был уволен из армии, а потом репрессирован следующий командир дивизии — Николай Владимирович Смирнов. Многие командиры полков и батальонов дивизии стали жертвами Большого террора.

Бои на Хасане стали суровым испытанием для 32-й Саратовской Краснознаменной стрелковой дивизии. И дивизия, и ее командир полковник Берзарин извлекли из этих боев урок, за который было сполна заплачено кровью. И этот урок был усвоен. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат» (Пушкин).

Вечером 12 октября 1941 года поспешно переброшенная с Дальнего Востока 32-я дивизия приняла свой первый бой на Бородинском поле и дала достойный отпор врагу. Штаб дивизии размещался там, где в 1812 году располагался командный пункт князя Михаила Илларионовича Кутузова. В течение шести суток боев на Бородинском поле немецкие войска потеряли (согласно советским, возможно, сильно преувеличенным данным) 10 тысяч солдат и офицеров, 4 самолета, 117 танков, 226 автомашин, 124 мотоцикла⁶. Было выиграно время, и немцы были остановлены в снежных полях под Москвой. (Летом 2008 года при проведении военно-археологических работ на Можайской линии обороны был обнаружен 21 наградной знак «Участнику Хасанских боев» в местах предположительного прорыва частей 32-й стрелковой дивизии, бойцы и командиры которой принимали участие в боях у озера Хасан в 1938-м и пали под Москвой в 1941-м.)

Великую Отечественную генерал-майор Берзарин встретил и почти всю прошел на посту командарма. Война вскрыла существенные «недочеты, связанные с оперативно-тактической подготовкой командующих, в частности, в вопросах управления войсками, организации непрерывного взаимодействия, грамотного использования боевой техники»⁷. Не избежал этих недочетов и Берзарин.

У двух десятков общевойсковых командармов 1941-го были разные судьбы, чаще печальные и трагические.

Василий Петрович Васильев в октябре 1942 года умер на Дальнем Востоке.

Андрей Иванович Еременко стал генералом армии, получил звание Героя Советского Союза и в 1955-м стал Маршалом Советского Союза.

Филипп Афанасьевич Ершаков осенью 1941 года попал в плен и в июле 1942-м погиб в концлагере.

Иван Григорьевич Захаркин погиб в автомобильной катастрофе в 1944-м.

Степан Андрианович Калинин был арестован «органами» в 1944 году и вышел на свободу после смерти Сталина.

Владимир Яковлевич Качалов погиб в августе 1941-го.

Иван Степанович Конев стал Маршалом Советского Союза, дважды Героем Советского Союза и (единственный из командармов 1941-го!) кавалером ордена «Победа».

Федор Яковлевич Костенко погиб в мае 1942-го.

Александр Андреевич Коробков расстрелян в июле 1941 года и реабилитирован в 1957-м.

Василий Иванович Кузнецов стал генерал-полковником и Героем Советского Союза: воины именно его армии водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

Павел Алексеевич Курочкин стал генералом армии и Героем Советского Союза.

Михаил Федорович Лукин в октябре 1941-го был тяжело ранен и попал в плен, но дожил до Победы, успешно прошел проверку и был уволен в запас.

Аналогичная судьба была у Ивана Николаевича Музыкаленко и Михаила Ивановича Потапова, который был восстановлен в кадрах и в 1961 году стал генерал-полковником.

Павел Григорьевич Понеделин в августе 1941-го был контужен и взят в плен, в мае 1945-го освобожден союзниками, в августе 1950-го расстрелян, в 1956-м — реабилитирован.

Петр Степанович Пшенников погиб в декабре 1941 года.

Прокофий Логвинович Романенко, полный георгиевский кавалер времен мировой войны, стал генерал-полковником и удостоился четырех полководческих орденов.

Андрей Кириллович Смирнов в октябре 1941-го при выходе из окружения застрелился.

Петр Михайлович Филатов в июле 1941 года был тяжело ранен и скончался в госпитале.

Валериан Александрович Фролов стал генерал-полковником и получил два полководческих ордена.

Несколько командармов 1941-го ничем себя не проявили и были назначены на менее ответственные посты на фронте или в тылу, например, генерал-полковник Яков Тимофеевич Черевиченко закончил войну командиром корпуса, который участвовал в штурме центра Берлина.

В мае 1945 года в Красной Армии имелось 66 общевойсковых командармов (43 из них окончили военные академии). Всего-навсего 6 из них были командармами 1941-го, в их числе Берзарин. Остальные «выросли» на войне: из командиров полков — 2; дивизий — 15; корпусов — 12. Командармами в годы войны стали 25 предвоенных полковников, по праву получивших генеральское звание. «Мы все — войны шальные дети, / И генерал, и рядовой...» (Булат Окуджава). Лишь 30 командармов имели к маю победного 45-го звание генерал-полковника, 33 были генерал-лейтенантами и 3 — генерал-майорами⁸.

На этом фоне генерал-полковник Берзарин, Герой Советского Союза и кавалер четырех полководческих орденов (Суворова I и II степени, Кутузова I степени, Богдана Хмельницкого I степени), выглядит очень достойным военачальником, по праву занявшим пост первого коменданта Берлина. Он, как и другие советские генералы, победившие фашизм, учились на своих трагических ошибках.

Но остается сформулированный поэтом Иосифом Бродским вопрос, на который нет ответа:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?

Вспомнил ли их, умирающий в штатской белой кровати? Полный провал.

Что он ответит, встретившись в адской области с ними? «Я воевал».

За личную инициативу, мужество и упорство, или Полководческий орден — бойцу штрафной роты

Люди первого часа войны далеко не всегда обладают высокими чинами и званиями. Они встречаются не только среди генералов, адмиралов и маршалов. Их можно отыскать и среди рядовых солдат и матросов, сержантов и старшин.

Если вас спросят, мог ли в годы Великой Отечественной войны солдат или сержант быть награжден полководческим орденом, не стоит торопиться с отрицательным ответом. Среди наград, учрежденных в годы войны и традиционно называемых *полководческими*, была одна, статут которой позволял получить ее красноармейцу, сержанту, старшине и даже партизану. Речь идет об ордене Богдана Хмельницкого III степени. Орден был учрежден 10 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР. Пункт 6-й Указа гласил:

«Орденом Богдана Хмельницкого III степени награждаются — рядовой, сержантский, старшинский и офицерский состав до командира батальона и ему соответствующих включительно, командиры партизанских отрядов, командиры подразделений партизанских отрядов и партизаны:

— за смелую инициативу и решительность, проявленные командиром подразделения в проведении боевой операции, обеспечившей нанесение врагу поражения, захват населенного пункта или важного рубежа;

— ...за личную инициативу, мужество и упорство, проявленные при выполнении боевого задания, что способствовало успеху проводимой подразделением или партизанским отрядом операции».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на ступенях Рейхстага, за его спиной, по левую руку, — первый комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин. 1945

В точном соответствии с орденским статутом, согласно моим подсчетам, выполненным по материалам электронного банка документов «Подвиг народа», орденом Богдана Хмельницкого III степени были награждены 204 красноармейца, 89 ефрейторов, 122 младших сержанта, 222 сержанта, 215 старших сержантов и 110 старшин. Данные по партизанам нуждаются в уточнении. И за каждым из этих награждений стоял конкретный подвиг, способствующий успеху действий всего подразделения. К сожалению, далеко не все из награжденных воинов успели получить свои награды. Многие погибли или пропали без вести. В рамках специального проекта «Российской газеты» «Звезды Победы», направленного на создание именного общедоступного банка данных о неврученных орденах и медалях Великой Отечественной войны, на сегодняшний день сформирован начальный список на 8208 награжденных орденом Славы I, II и III степени, орденом Кутузова I, II, III степени, орденом Богдана Хмельницкого I, II, III степени, а также орденами Александра Невского и Красного Знамени. В каждом отдельном случае сотрудниками Центрального архива Министерства обороны найдены документальные подтверждения, что награда не была вручена.

Ниже я расскажу о подвигах лишь некоторых из кавалеров ордена Богдана Хмельницкого III степени.

Красноармеец Александр Курбанович Абдрашитов, 1918 года рождения, стрелок 136 отдельной армейской штрафной роты, был призван в Красную Армию в августе 1938 года, с августа 1941-го воевал на различных фронтах и показал себя смелым и храбрым воином. За что гвардии старшина танкового полка, имевший ранение и награжденный орденами Славы II и III степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда», угодил в штрафную роту — непонятно. Но и во время службы в штрафной роте Абдрашитов зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. «В наступательном бою при штурме ДОТа ... действовал исключительно смело и решительно. При прорыве обороны в м. Лецен, когда немцы пошли в контратаку, он бросился на них и штыком и гранатами убил 3 фрицев и этим временем ворвался в ДОТ,

чем обеспечил продвижение вперед другим подразделениям». Красноармейца Абдрашитова назначили командиром отделения штрафной роты: «...исполняя должность командира отделения, смело и решительно ведет свое отделение вперед». 26 января 1945 года командир штрафной роты представил красноармейца Абдрашитова к ордену Славы I степени. Представление поддержали командир дивизии, командир корпуса и командующий армией, однако командующий войсками 3-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский рассудил иначе: 6 апреля 1945 года он — беспрецедентный случай — наградил штрафника орденом Богдана Хмельницкого III степени. Дожил ли Абдрашитов до Победы — неизвестно, но эта награда ему так и не была вручена.

Гвардии рядовой Макар Кузьмич Перевертайлов, 1914 года рождения, сапер 293-го гвардейского стрелкового полка, воевал с октября 1941 года. «9.02.1944 г., выполняя задание командования, переправлял через реку Пидпильня десантные группы пехоты и вооружения в районе села Михайловка Ново-Воронцовского района Николаевской области. Умело маневрируя лодкой, он под сильным ружейно-пулеметным огнем противника переправил 11 групп пехоты без потерь личного состава. При последующих рейсах пулеметной очередью лодка была пробита, тов. Перевертайлов М. К., заделав пробоину, проявляя упорство и настойчивость, продолжал выполнять боевое задание, чем способствовал успеху овладения плацдармом на правом берегу Днепра». 20 февраля 1944 года командир полка гвардии подполковник Свиридов (мы еще не раз встретимся с ним в дальнейшем) представил храброго сапера к ордену Богдана Хмельницкого III степени. 11 апреля 1944 года награждение состоялось, но гвардии рядовому Перевертайлову не было суждено получить свой орден: 27 февраля 45-го он был ранен в грудь и 14 марта от полученных ран, осложненных газовой инфекцией, скончался.

Красноармеец Василий Ефимович Алексагин, 1923 года рождения, разведчик 20-й отдельной разведроты, 15 октября

1943 года в составе группы разведчиков успешно переправился на западный берег Днепра. Алексашин забросал гранатами вражеский дзот и уничтожил весь пулеметный расчет, тем самым дав «возможность разведгруппе быстро занять вторую линию окопов и обеспечить плацдарм для высадки десантного отряда дивизии». Во время боя был ранен, но не покинул поле боя и успешно отбил две контратаки врага. Был представлен к ордену Отечественной войны II степени, награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени. Награда не была вручена. В том же октябре 1943-го отважный разведчик пропал без вести.

Красноармеец Иван Иванович Шевченко, 1904 года рождения, служил в инженерно-саперном батальоне. В конце июля 1944 года, во время боев за Львов, действовал в составе группы разграждения и проделал два прохода для танков, что способствовало успеху проводимой операции. Танковый батальон избежал потерь. «Спасибо, саперы, действуете замечательно!» — такую оценку группа разграждения получила от командира танкового батальона. Сапер Шевченко, представленный к ордену Славы III степени, 30 октября 1944 года был награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени. Орден не получил. Погиб в бою.

Старший сержант Моисей Вениаминович (Беньяминович) Шахмейстер, 1899 года рождения, командир отделения 87-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, проявил отвагу и мужество при форсировании реки Одер. Старший сержант Шахмейстер был опытным воином: он воевал с 5 июля 1941 года и за участие в боях был трижды отмечен наградами: орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». При сборке парома вражеским снарядом был пробит понтон. Старший сержант Шахмейстер проявил личную инициативу, мужество и упорство: под огнем врага бросился к поврежденному понтону и заранее приготовленным тряпьем забил пробоину. Движение было восстановлено. При паромной переправе старший сержант вместе со своим отделением работал на веслах, под ожесточенным огнем неприятеля доставляя на западный берег реки Одер боевую технику и боеприпасы.

Представленный к ордену Отечественной войны II степени, 31 мая 1945 года был награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени. Как сложилась дальнейшая судьба старшего сержанта Шахмейстера и получил ли он свою награду — сведений нет.

«Обеспечь, раз я достоин», — утверждал Василий Теркин. Однако реальная наградная практика далеко не всегда соответствовала этой поэтической декларации исключительно популярного литературного героя. В рамках специального проекта «Российской газеты» «Звезды Победы» было обнаружено, что знаков ордена Богдана Хмельницкого I, II, III степени не вручено всего 876. Если учесть, что всего за время войны было произведено 8423 награждения этим орденом, неврученной осталась каждая девятая-десятая награда.

Морская душа

Жизнь и судьба этого героя войны способны поразить даже самого искушенного читателя, в очередной раз подтверждая старую истину: реальные жизненные перипетии всегда превосходят фантазию романиста. Среди многочисленных наград, которыми был отмечен гвардии старшина Павел Христофорович Дубинда, наряду с медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орденом Ленина и тремя орденами Славы был и орден Богдана Хмельницкого III степени, полученный воином в точном соответствии с орденским статутом. Инициатива, проявленная старшиной, способствовала успеху проводимой полком операции. Но обо всем по порядку.

26 августа 1944 года командир 293-го гвардейского стрелкового Краснознаменного полка гвардии полковник Александр Андреевич Свиридов подписал представление к награде. В этом представлении шла речь о гвардии красноармейце, который командовал стрелковым отделением. Красноармеец не имел ни наград, ни сержантских нашивок, и тому имелись веские причины, о которых был прекрасно осведомлен командир полка.

Полковник Свиридов был человеком первого часа войны: роковой день 22 июня 1941 года он встретил в селении Тарасауци на границе с Румынией. В течение семи суток разведывательный батальон, которым командовал капитан Свиридов, держал оборону на данном ему рубеже и отступил только по приказу. Капитан прекрасно подготовил вверенный ему батальон к войне, и ее первый час не стал для воинов неожиданностью. За плечами у потомственного казака Свиридова, родившегося в 1912 году, рано ставшего сиротой и впервые надевшего военную форму на 12-м году от рождения, было участие в освободительном походе в Западную Белоруссию и в Финской войне, за которую он получил медаль «За отвагу». Полк Свиридов принял 5 июня 1943 года, когда ему едва исполнился 31 год, и очень быстро отличился как в оборонительных, так и в наступательных боях, продемонстрировав несомненное умение командовать полком: «Сколотил и создал устойчивые подразделения полка. Лично руководил боем. В бою смел и решителен». Это слова из представления Свиридова к ордену Красного Знамени. Люди первого часа войны прежде всего думают не о себе, а об интересах дела, которому они служат, поэтому они не боятся собирать вокруг себя себе подобных воинов; это не всегда нравится начальству, но неприятелю не нравится еще больше.

В марте 1944 года 293-й гвардейский полк получил маршевое пополнение. И командир полка, когда знакомился с новобранцами, сразу же обратил внимание на широкоплечего красноармейца атлетического телосложения. Полковник Свиридов уже располагал сведениями, что когда новобранцу выдавали общевойсковую форму, то он попросил оставить ему тельняшку, которую моряки нежно называли «морской душой». О «морской душе», благодаря вышедшей в 1942 году одноименной книге рассказов писателя-мариниста Леонида Соболева, знали все солдаты и офицеры Красной Армии. Книга в то время была очень популярна в действующей армии, уступая по своей известности разве что «Василию Теркину» Александра

Твардовского. Тельняшку новобранцу оставили. У бойца, недавно бежавшего из плена, был вид бывшего воина. Полковник Свиридов предпочел ему поверить и сразу же назначил командиром отделения, ни разу не пожалев в дальнейшем о сделанном выборе. Красноармейца с огромными кулаками звали Павел Дубинда. Он был лишь на два года моложе полковника Свиридова: в 1914 году родился на Кинбурнской косе, в селе Прогнои (Прогнойское), что в устье Днепра на Херсонщине. «Издавна Прогнои славилась биндюжниками. Отсюда выходили матросы, рыбаки, портовые амбалы, созданные для тяжелой морской работы»⁹.

В 1936 году Павла Дубинду, сына потомственного моряка, призвали на службу в военно-морской флот и отправили служить на крейсер «Червона Украина». День 22 июня 1941 года Дубинда, уже успевший дослужиться до должности старшины катера, встретил в полной боевой готовности. За несколько часов до начала войны нарком ВМФ адмирал Николай Герасимович Кузнецов, не страшась ответственности, объявил флотам готовность № 1. Дубинда оборонял Одессу, отличившись в ночь на 22 сентября 1941 года в районе деревни Григорьевка при высадке тактического морского десанта, возглавляемого капитаном 1-го ранга Сергеем Георгиевичем Горшковым. Катер, которым командовал Павел Дубинда, шел на острие первого броска и без потерь высадил на берег 80 матросов. С детских лет Дубинда отлично знал эти места и на совещании у Горшкова, проявив инициативу, сам вызвался пойти на головном катере. Десантная операция прошла блестяще: были разгромлены две румынские дивизии, и враг был отброшен от Одессы на 5–8 километров. В трагическом 1941-м орденами и медалями награждали скупно. Командиру высадки капитану 1-го ранга Горшкову присвоили звание контр-адмирала, а Дубинда получил благодарность Горшкова, впоследствии ставшего главкомом ВМФ и Адмиралом Флота Советского Союза.

Старшина 1-й статьи Дубинда был участником обороны Севастополя. Когда крейсер «Червона Украина» был потоплен немецкой авиабомбой, Дубинда стал воевать в составе 8-й бригады

морской пехоты, при всех жизненных передрыгах бережно берегая и с гордостью продолжая носить тельняшку — свою «морскую душу».

Писатель-маринист Леонид Соболев писал о морской пехоте: «Шутливое и ласкательное это прозвище краснофлотской тельняшки, давно бытовавшее на флоте, приобрело в Великой Отечественной войне новый смысл, глубокий и героический. В пыльных одесских окопах, в сосновом высоком лесу под Ленинградом, в снегах на подступах к Москве, в путаных зарослях севастопольского горного дубняка — везде видел я сквозь распахнутый как бы случайно ворот защитной шинели, ватника, полушубка или гимнастерки родные сине-белые полоски “морской души”. Носить ее под любой формой, в которую оденет моряка война, стало неписанным законом, традицией. И, как всякая традиция, рожденная в боях, “морская душа” — полосатая тельняшка — означает многое. ... Их узнают на фронте по этим сине-белым полоскам, прикрывающим широкую грудь, где гневом и ненавистью горит гордая за флот душа моряка, — веселая и отважная краснофлотская душа, готовая к отчаянному порой поступку, незнакомая с паникой и унынием, честная и верная душа ... преданного сына родины. Морская душа — это решительность, находчивость, упрямая отвага и неколебимая стойкость. Это веселая удаля, презрение к смерти, давняя матросская ярость, лютая ненависть к врагу. Морская душа — это нелицемерная боевая дружба, готовность поддержать в бою товарища, спасти раненого, грудью защитить командира... Морская душа — это высокое самолюбие людей, стремящихся везде быть первыми и лучшими. Это удивительное обаяние веселого, уверенного в себе и удачливого человека, немножко любующегося собой, немножко пристрастного к эффектности, к блеску, к красному словцу. Ничего плохого в этом “немножко” нет»¹⁰.

Тем не менее перевод Дубинды в морскую пехоту не был должным образом оформлен. Царила неразбериха, и командир потопленного крейсера «Червона Украина» в донесении о безвозвратных потерях напротив фамилии старшины 1-й статьи Дубинды сделал отметку: «Дезертировал после гибели корабля — пропал

без вести. 12/XI — 41 г.»¹¹ К счастью, эта запись в официальном документе никак не сказалась на судьбе Павла Христофоровича, и в наши дни она воспринимается как досадный казус времен войны. В последние дни обороны города русской морской славы старшина 1-й статьи Дубинда был контужен и попал в плен. Из плена он несколько раз пытался бежать, лишь в марте 1944 года очередная попытка наконец увенчалась успехом, и 15 марта 1944-го Павел Дубинда стал бойцом 293-го гвардейского стрелкового полка, в составе которого воевал до Победы.

В ближнем бою и в рукопашной схватке

Однако вернемся к представлению, которое подписал 26 августа 1944 года командир 293-го гвардейского стрелкового Краснознаменного полка гвардии полковник Свиридов. В этом представлении говорилось: «В боях за овладение селом Скорлупки Соколув-Подлясского уезда Седлецкой области (Польша), под сильным огнем противника проявляя бесстрашие, мужество и стойкость, 8 августа 1944 года тов. Дубинда П. Х. первым ворвался в траншею противника, где гранатами и огнем из автомата уничтожил 7 немецких солдат и офицеров и составом отделения закрепился в траншее, чем способствовал овладению селом Скорлупки. Достоин награждения орденом Славы III степени». В представлении описывался лишь один эпизод грандиозной, продолжавшейся свыше двух месяцев белорусской наступательной операции «Багратион». Одним из главных творцов и руководителей операции был командующий войсками 1-го Белорусского фронта Константин Константинович Рокоссовский, 29 июня 1944 года получивший воинское звание Маршала Советского Союза, а 30 июля ставший Героем Советского Союза. 5 сентября 1944 года красноармеец Павел Дубинда, рядовой участник этой грандиозной операции, приказом командира 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Франца Иосифовича Перхоровича был удостоен своей первой за годы войны награды — ордена Славы III степени.

Но пока его наградной лист неспешно совершал свой путь вверх (полк — дивизия — корпус), Павел Дубинда, уже успевший получить лычки младшего сержанта, отличился в боях при форсировании реки Западный Буг и завоевании плацдарма на правом ее берегу. На завершающем этапе белорусской операции гвардии младший сержант совершил новый подвиг, о котором поведал второй наградной лист, подписанный полковником Свиридовым 1 сентября 1944 года, всего-навсего через шесть дней после подписания первого. «В боях за железнодорожное полотно на подступах к станции Мостувка и за овладение деревней Мостувка Вышуквского уезда Варшавской области (Польша) 20 августа 1944 года тов. Дубинда П. Х., временно командуя стрелковым взводом, стремительной атакой первым выбил немцев из оборонительного узла и оседлал железную дорогу. В этом бою тов. Дубинда составом взвода уничтожил более 15 немецких солдат и офицеров. Будучи ранен, тов. Дубинда не покинул поле боя и продолжал оставаться в строю, а когда выбыл командир роты из строя, тов. Дубинда взял командование на себя и способствовал выполнению задачи по овладению деревней Мостувка». За этот подвиг полковник Свиридов представил младшего сержанта Дубинду к награждению орденом Славы II степени. Представление поддержали командир дивизии и командир корпуса, и уже 5 октября командующий 28-й армией генерал-лейтенант Александр Александрович Лучинский подписал приказ о награждении гвардии младшего сержанта Дубинды орденом Славы II степени.

Впереди были новые бои. Все понимали, что дать Дубинде под командование меньше взвода было бы не по-хозяйски, и вскоре на его плечах появились погоны старшины, вплотную приблизившие его к офицерской должности взводного. Но пока Дубинда получил назначение на должность старшины стрелковой роты в родном 293-м гвардейском полку. Волею судеб гвардии старшина Дубинда оказался на острие удара, направленного в сторону Восточной Пруссии — многовекового гнезда германского милитаризма.

В октябре 1944 года 293-й полк вместе с другими соединениями и частями 28-й армии был перегруппирован в полосу 3-го Белорусского фронта в район, а в конце октября принял участие в боях по завершению прорыва приграничной полосы укреплений Германии в Восточной Пруссии и 25 октября 1944 года овладел городом Шталлупёнен¹².

30 октября 1944 года полковник Свиридов представил гвардии старшину Дубинду к ордену Славы I степени. «21–25 октября 1944 года в ожесточенных боях по прорыву сильно укрепленной, глубоко эшелонированной полосы обороны немцев в районе города Шталлупёнен (Восточная Пруссия) тов. Дубинда П. Х. проявил бесстрашие, мужество и командирское умение в проведении боевых операций. 22.10.44 года по выбытии из строя командира стрелкового взвода тов. Дубинда взял на себя командование и по сигналу на штурм укреплений противника в районе села Пешикен поднял взвод и стремительной атакой первым во главе взвода ворвался в траншею противника, где в рукопашном и ближнем бою лично уничтожил 4 немецких солдат и взял в плен 1 офицера противника. Закрепившись составом взвода в траншее, тов. Дубинда способствовал успеху завоевания рубежа на подступах к городу Шталлупёнен и в конечном — овладению городом».

Город Шталлупёнен — важный узел железных и шоссейных дорог Восточной Пруссии — был одним из первых отвоеванных на территории врага немецким городом, взятым в тот момент, когда еще не вся территория СССР была освобождена от врага. Печатаемая представление гвардии старшины Дубинды к ордену Славы I степени, полковой писарь заправил в пишущую машинку трофейную, пропитанную красными чернилами ленту, и этот наградной лист получился очень нарядным. Писарь прекрасно осознавал историческую значимость момента и исключительно ответственно отнесся к подготовке наградного документа: право награждения орденом Славы I степени принадлежало только лишь Президиуму Верховного Совета СССР; ни командарм, ни командующий фронтом таких прав не имели, поэтому

Маршал Жуков принимает Парад Победы. 24 июня 1945

Трижды Герои Советского Союза — Покрышкин, Жуков, Кожедуб — депутаты Верховного Совета СССР. 1946